"Ты не мог его так называть", - сказал дядя Бенджен, усаживаясь рядом со своим собственным сыном Торрхеном, носившим ироничное имя. Торрхен был Северянином с ног до головы, несмотря на то, что родился на Драконьем Камне: черные волосы, серые глаза и бледная кожа, маленький, но сильный для своих почти двух именинных дней.

Джон передвинул Эймона на руках и не смог сдержать улыбки, когда его сын издал тихое бульканье. Младенец пошевелился, словно желая еще теснее прижаться к груди Джона, и Джон не мог не растаять от этого ощущения. Он знал, что простолюдины разговаривают о том, как это ужасно, что ребенок почти никогда не бывает в детской. Если Эймон не был с Маргери, то он был с Джоном, а когда даже это было невозможно, он был с Леди Оленной или даже Дейнерис, которая, несмотря на свои маленькие размеры и широко раскрытые глаза, выглядела свирепой, как дракон, когда малыш был доверен ей. "Но почему же?" Спросил Джон. Логически он понимал, что имя Эймона еще можно изменить. Пройдет еще одна луна или около того, прежде чем они устроят пир знаменосцам и официально представят младенца. Джон, однако, не хотел этого делать.

"Во-первых, это опасно", - сказал ему дядя Бенджен. "Твой мальчик уже имеет свою внешность играющую против нег-"

"Он похож на прежних Дейнов", - отчеканил Джон. "Кровь Первых Людей, несмотря на то, что они выглядят по-другому. И это то, что ты скажешь любому, кто попытается усомниться в этом". Он подумывал о том, чтобы покрасить волосы младенца, чтобы сделать эту историю более правдоподобной. Хотя и светлые волосы, и фиалковые глаза были достаточно обычны у Дейнов, обе эти черты редко проявлялись сразу, но все же это было достаточно правдоподобно, чтобы им не приходилось всерьез рассматривать вопрос о том, чтобы наложить травы на волосы его ребенка. Он должен быть благодарен своему Лорду-от... дяде Неду и дяде Эртуру за то, что они придумали хитрость, которая так хорошо его прикроет.

Дядя Бенджен кивнул. "Сир Эртур пригласил сюда своего племянника, чтобы тот стал его новым оруженосцем. Я слышал, что у него очень светлые волосы. Несмотря на то, что у него голубые глаза, его присутствие рядом с сиром Эртуром должно помочь сохранить мальчика в безопасности. Но имя Таргариенов, Джон?"

Джон судорожно сглотнул. Когда он впервые дал имя своему сыну, даже несмотря на настойчивые наставления Маргери, он не предполагал, что это будет так важно. Имя ребенка должно быть чем-то личным и интимным, что-то, что имеет значение только для ближайших родственников. Маргери и Леди Оленна были единственными, кто напомнил ему, еще до рождения ребенка, что это также политический шаг, как бы он ни назвал своего сына, это может означать его преданность и склонить целые королевства к его делу или от него, если его дело когда-нибудь станет предметом преследования. "Ни один король Таргариенов никогда не носил этого имени", - сказал он. "Самым знатным человеком с таким именем был Эймон Рыцарь-Дракон, который был добрым и благородным и умер за своего короля, когда дело дошло до этого. Это имя означает безжалостную преданность. Никто не может усомниться в этом".

"Твоим знаменосцам, без сомнения, понравится это имя", - сказал дядя Бенджен. "Но при всей своей лояльности, которую оно демонстрирует, Роберт или, по крайней мере, его малый совет, будет помнить, что эта лояльность была к королю Таргариенов. Они будут удивляться, почему ты не дал своему сыну Северное имя. Как и Лорды Севера".

Джон сглотнул и долго смотрел на сына сверху вниз. Возможно, дядя Бенджен действительно был прав. Внешность Эймона уже вполне соответствовала их родословной Таргариенов.

Добавление имени поверх этого может быть слишком рискованно. "И какое тогда будет имя?" Спросил он. "Какое имя может послужить надежным компромиссом, дядя? Даже если бы я хотел, чтобы он прошел через путаницу, разделив имя с своим двоюродным братом, никто за пределами Севера не имеет никакого уважения к Торрхену Старку. Даже многие северяне уже не помнят его заслуг. Они не видят его любви к своему народу; только то, как он преклонил колено, так и не борясь за свои права. Креган? Они не вспомнят те годы службы, которые он оказал как Десница Короля, ни той чести, с которой он ее выполнял, только то, что он преждевременно покинул свой пост. Теон, Голодный Волк? Помимо того, что я ненавижу Теона Грейджоя, большинство людей забывают о том, что он защищал Север, и помнят только, что он приплыл в их любимый Андалос с кишками своих врагов на носу своих кораблей и поднял их головы на наших берегах. Харлон или Карлон? Оба они оказали северянам большую услугу, но все, что люди помнят, это то, как они убили целую ветвь своего собственного дома. Брандон? Брандон Строитель известен во всем королевстве, но Брандон Крушитель объединился с одичалыми, чтобы уничтожить Ночной Дозор включая его собственного брата. И это даже без упоминания Брандона Дурного". Джон сделал паузу и сглотнул. "Я горжусь тем, кто я есть, дядя. Я горжусь тем, что являюсь Старком. Но Семь Королевств в целом не понимают Севера, и если бы я дал своему сыну Северное имя в честь него, то дюжина Лордов назвала бы нас дикарями. Они вспомнят Поругание Трёх Сестёр, бесчисленные войны, которые Север вел между собой до того, как Короли Зимы начали править всем миром, ритуалы последователей Старых Богов в Век Героев и тот факт, что мы все еще поклоняемся Богам, отличным от их собственных. Они бы только помнили, насколько мы на самом деле отличаемся от них. Я не делаю нам одолжения, оставаясь верным Старым Богам. Я знаю это. Но я не знаю, смогу ли отказаться от них. Я могу отказаться от того, чтобы дать своему сыну Северное имя, если это означает мир с Югом".

"Южное имя, да", - согласился дядя Бенджен. "Но имя Таргариенов? Даже ваши знаменосцы, даже те, кто догадался, кто ты такой, поймут, что ты не в том положении, чтобы делать это. Ты не можешь пойти к Королю Роберту и представиться Джейхейрисом, даже если ты будешь держаться за Старка. Ты не можешь назвать своего сына Эймоном и надеяться сохранить мир, как бы сильно ты ни восхищался Рыцарем-Драконом в детстве. По крайней мере, не первого сына".

Джон резко втянул воздух, позволяя словам просочиться сквозь его разум, сквозь бунтарство, которое говорило ему с тех пор, как он узнал правду, не слушать ничего, что Старк мог бы сказать ему после всей той лжи, которой его кормили. Он снова выдохнул, теперь уже спокойнее. Теперь, успокоившись, он позволил другим вариантам пройти через свою голову, мысленно извиняясь перед сыном, что, возможно, дал ему имя, которое он не мог безопасно сохранить. "Дункан", - сказал он наконец. Он посмотрел вниз на своего маленького сына, осторожно провел пальцем по платине на его макушке. "Дункан Старк".

Бенджен долго размышлял, прежде чем резко кивнул. "Это хороший компромисс", - сказал он. "Это имя было Вестеросе задолго до того, как его использовали Таргариены, и Дункан "Маленький" Таргариен никогда не был коронован, и его помнят так же хорошо, как его тезку Сира Дункана Высокого, которого даже король Роберт до сих пор почитает как вершину Королевской Гвардии. Те, кто должен знать, помнят Дункана Таргариена, храброго молодого воина, который выбрал любовь. Те, кто нет, прежде всего вспомнят верного, благородного рыцаря, который отдал свою жизнь за продолжение рода своего друга и короля. Возможно, он и был верен королю Таргариенов, но сам он никогда не был Таргариеном. И его смерть спасла жизнь Рейллы, даже с только что родившимся Рейгаром".

Джон кивнул и на мгновение задержал взгляд на ребенке, лежащем у него на руках. Он начал суетиться, крошечные кулачки медленно высвобождались из пеленок и раскачивались в

воздухе. Учитывая собственный рост Джона, Дункан вряд ли когда-нибудь станет высоким, но разве Сир Дункан не воплощал те же идеалы, что некогда воплощал Сир Эймон? Разве у него не было той же чести, того же кодекса, который Джон хотел видеть в своем собственном сыне? Не был ли он, каким-то окольным путем, причиной того, что у Джона или его сына вообще был шанс на существование? Мысленно он извинился перед малышом за то, как запутанно должно было показаться изменение имени, когда он был так далек от того, чтобы понять причину этого. Малыш издал тихий голодный вопль, и Джон поднялся на ноги, бережно прижимая к себе сына. "Ну же, Дунк", - пробормотал он. "Пойдем к маме и объясним ей, почему тебя теперь зовут Дункан".

За его спиной дядя Бенджен действительно рассмеялся, хотя смех был напряженным и неуверенным, как это было с тех пор, как его подозрения насчет Джона наконец подтвердились. Джон знал, что дядя все еще любит его. Он лишь надеялся, что природная Северная настороженность Бенджена не победит и в конце концов не оставит Джона одного.

http://tl.rulate.ru/book/40965/913316